

УДК 327 (470)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.4.4>

А. К. Дудайти

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1991–2011 гг.)¹

В новых геополитических реалиях, сложившихся на постсоветском пространстве после 1991 г., заметно активизировалась политика Исламской Республики Иран (ИРИ) в направлении Южного Кавказа. К этому времени идеология экспорта исламской революции стала более сдержанной и осторожной, что позволило Ирану включиться в решение сложных проблем в конфликтном регионе Южного Кавказа: в частности, в начале вооруженного противостояния между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха в Тегеран предложили посреднические услуги по его мирному разрешению. В региональной стратегии Ирана, реализуемой в рамках государственной идеологии «исламского» пути развития, были задействованы разные методы и возможности. Эти вопросы вызывают повышенный интерес среди отечественных исследователей, а их изучение является актуальным, имея в виду сохраняющиеся угрозы интересам национальной безопасности России в южнокавказском направлении.

Новизна исследования определяется тем, что в нем проведен комплексный анализ основных направлений региональной политики Ирана на Южном Кавказе, раскрыты ее особенности и характерные черты, а также формы и методы реализации. Особое внимание в

работе уделено вопросам, связанным с влиянием внутренних и внешних факторов на сложные процессы формирования и развития отношений Ирана с молодыми государствами Южного Кавказа. В ходе исследования установлено, в ходе проведения антизападного и в определенной степени – независимого от России внешнеполитического курса на Южном Кавказе Иран не смог достичь заметных успехов, поскольку влияние и позиции России и США в регионе оставались сильными. В целом, в работе сделан вывод, что надеждам по вхождению Ирана в круг ведущих держав, влияющих на международную обстановку на Южном Кавказе, не суждено было сбыться: для достижения этой цели, прежде всего, следовало строго придерживаться pragmatичной политики, свободной от идеологических наслаждений, что подтвердилось в ходе дальнейшего развития событий на Южном Кавказе.

Ключевые слова: Иран, Южный Кавказ, региональная политика, постсоветский период, Азербайджан, Армения, Грузия, взаимоотношения.

Для цитирования: Дудайти А. К. Основные направления региональной политики Ирана на Южном Кавказе в постсоветский период (1991 – 2011 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 556–562. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.4

Albert K. Dudaity

MAIN DIRECTIONS OF IRAN'S REGIONAL POLICY IN THE SOUTH CAUCASUS IN THE POST-SOVIET PERIOD (1991–2011)²

In the context of the new geopolitical realities that emerged in the post-Soviet space after 1991, the policy of the Islamic Republic of Iran (IRI) in the direction of the South Caucasus became noticeably more active. During this period, the export ideology of the Islamic revolution became more restrained and cautious, which allowed Iran to take part in solving complex problems in the South Caucasus: in particular, at the very beginning of the armed conflict in Nagorno-Karabakh, Tehran offered their services in its peaceful permission. Iran's regional strategy strictly fit into the framework of the state ideology of the «Islamic» path of development, therefore, in the course of its implementation, various tactical methods and opportunities were involved. These issues continue to arouse increased interest among domestic researchers, and their study is relevant, bearing in mind the remaining threats to Russia's national security interests in the South Caucasus direction.

The novelty of the study is determined by the fact that it contains a comprehensive analysis of the main directions of Iran's regional policy in the South Caucasus, reveals its features and characteristics, as well as forms and methods of implementation. Particular attention is paid to issues

related to the influence of internal and external factors on the complex processes of formation and development of Iran's relations with the young states of the South Caucasus. The study found that in the course of conducting an anti-Western and, to a certain extent, independent of Russia foreign policy in the South Caucasus, Iran could not achieve noticeable success, since the influence and positions of Russia and the United States in the region remained strong. In general, the paper concludes that the hopes of Iran joining the circle of leading powers influencing the international situation in the South Caucasus were not destined to come true: in order to achieve this goal, first of all, it was necessary to strictly adhere to a pragmatic policy free from ideological layers, which was confirmed in the course of further development of events in the South Caucasus.

Key words: Iran, South Caucasus, regional policy, post-Soviet period, Azerbaijan, Armenia, Georgia, relationships.

For citation: Dudaity A. K. Main directions of Iran's regional policy in the South Caucasus in the post-soviet period (1991–2011) (In Russian) // Humanities and law research. 2022. V. 9 (4). P. 556–562. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.4

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-59-56010 от 03.03.2021 г.

2 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-59-56010 dated 03.03.2021

В рамках реализации своих внешнеполитических акций на Южном Кавказе Иран имел возможность опираться на многочисленные активы, как то: выгодное географическое положение между Каспийским морем и Персидским заливом, исторически сложившиеся тесные связи с кавказскими народами, большие запасы энергоресурсов и др. Но по ряду причин, о которых пойдет речь ниже, эти возможности не были использованы в полной мере. К тому же государства Южного Кавказа старались диверсифицировать свои внешние связи, чтобы не попасть в зависимость к какой-либо державе. Такая политика вызывало разочарование в руководящих кругах Ирана и Турции, полагавших Южный Кавказ сферой своего геополитического влияния.

Внешнеполитический курс на диверсификацию своих отношений с ведущими державами был одинаково характерен для государств Южного Кавказа, но в стратегическом плане у них имелись определенные предпочтения: так, Грузия и Азербайджан в основном были ориентированы на Запад, Армения же стремилась к строительству союзнических отношений с Россией. Впрочем, все три государства были настроены на поддержание деловых отношений с региональными соседями в лице Ирана и Турции. В результате на Южном Кавказе постепенно обозначились две geopolитические оси – прозападная и пророссийская. Являясь убежденным противником вестернизации, Иран не стал колебаться в выборе между Западом и Россией и поддержал пророссийскую ось в регионе. В свою очередь, США и их союзники усиленно противодействовали влиянию Ирана на Южном Кавказе, особенно после включения этой страны в список «оси зла» из-за событий 11 сентября 2001 г., пишет исследователь К. Терм [8, р. 138].

Во время кавказского кризиса 2008 г., кульминацией которого стала российско-грузинская война, Иран занялдержанную позицию. Руководство страны заявило о нейтралитете в этих событиях, несмотря на заинтересованность продолжать поставки газа в Грузию. Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 23 сентября 2008 г., президент М. Ахмадинежад заявил, что права народов Грузии, Южной Осетии и Абхазии ущемляются из-за закулисных действий и провокаций США и их натовских союзников на Южном Кавказе [6, р. 85]. Как отмечает К. Терм, в Тегеране надеялись, что вооруженный конфликт с Грузией приведет к ухудшению отношений России с ведущими западными странами и в результате, удастся избежать введения новых санкций против Ирана со стороны ООН [8, р. 139–140].

Наиболее динамично развивались в первые постсоветские десятилетия отношения Ирана с Арменией. Дипломатические отношения между ними были установлены в декабре 1991 г., в связи

с признанием Исламской республикой независимости Армении [3, р. 43]. В феврале 1992 г. Тегеран посетил министр иностранных дел Армении Р. Ованисян, а через две недели в Ереван принял глава МИД Ирана А. Вилаяти. Вскоре были наложены авиарейсы между Тегераном и Ереваном, построен «мост дружбы» через р. Аракс, что значительно облегчало доставку в Армению товаров из Ирана. Граница с ним практически была единственным маршрутом, по которому Армения могла импортировать продукцию в условиях турецко-азербайджанской блокады. Другой маршрут, проходящий по территории Грузии, был крайне ненадежным из-за сложной внутриполитической обстановки в республике. К тому же армяно-грузинские отношения носили сложный характер из-за нерешенных социально-экономических проблем армянского населения, проживающего в грузинском регионе Самцхе-Джавахети. В свою очередь, «Иранцы воспринимали Армению в качестве страны, переживающей такую же изоляцию, как и их страна. Армения оказалась в изоляции из-за Нагорно-Карабахского конфликта и закрытия границ с Азербайджаном и Турцией, а Иран находился в изоляции из-за западных санкций. Поэтому, несмотря на религиозное разделение, Иран и Армения нуждались в сотрудничестве как на региональном, так и глобальном уровне», указывает исследователь А. Ховакимян [2, с. 36 – 37]. В Тегеране надеялись, партнерские связи с Арменией, будут способствовать росту иранского влияния как в этой стране, так и в целом, на Южном Кавказе. Эта задача стала еще больше актуальной в связи с тем, что националистическое руководство Азербайджана во главе с А. Эльчибеком все громче стало озвучивать планы по созданию единого государства с присоединением к нему Иранского (Южного) Азербайджана. В этих условиях иранское руководство, обеспокоенное перспективой усиления сепаратистских настроений в северо-западных провинциях страны, все больше стало склоняться к поддержке Армении в Нагорно-Карабахском конфликте [1, р. 102].

В налаживании конструктивного диалога между Тегераном и Ереваном важную роль сыграла армянская община, компактно проживающая в Иране. Ее лидеры вели активную работу по формированию у иранцев живого интереса и уважения к народу Армении. При содействии общины развитию культурного, академического и туристического обмена ежегодно Армению стали посещать десятки тысяч граждан Ирана, а в вузах республики проходили обучение сотни иранских студентов. Власти Исламской Республики активно поддерживали деятельность армянской общины, рассчитывая, с ее помощью можно будет продемонстрировать демократический и правозащитный характер своего правления и противостоять обвинениям США и Евросоюза

в несоблюдении международных стандартов в области прав человека в стране. С другой стороны, интерес Ирана к сотрудничеству с христианской Арменией совпадал с желанием армянских элит, выступать «мостом между Востоком и Западом не только в их исторической роли диаспоры, но и в качестве важного элемента их современной идентичности», отмечает историк А. Мирзоян [5, р. 133].

Развивая партнерские связи с Арменией, руководство Ирана вынуждено было учитывать фактор Турции, претендующей на роль регионального лидера на Южном Кавказе. В Тегеране были согласны предоставить посреднические услуги для нормализации армяно-турецких отношений, но этого не произошло. Напротив, из-за расширения регионального взаимодействия Ирана с Турцией его отношения с Арменией заметно охладели. Чтобы исправить это положение, власти Ирана разрешили армянской общине отмечать трагическое событие, связанное с Геноцидом армян в 1915 г., а в музее в Исфахане часть экспонатов была посвящена этой теме [9, р. 4].

Важное место в двусторонних отношениях Ирана с Арменией занимала экономическая составляющая. Уже в первые годы независимости Армении Иран занял ведущие позиции во внешней торговле страны, внося существенный вклад в выживание армянской экономики, пребывающей в блокаде. Позитивному развитию двусторонних торгово-экономических связей должна была служить свободная зона «Арас», созданная в 2003 г. в иранской провинции Восточный Азербайджан. С ней связывались большие надежды, поскольку в предыдущие годы двусторонняя торговля велась в основном в приграничной зоне и, кроме того, между двумя странами отсутствовали соответствующие договоренности о либерализации двусторонней торговли. Между тем, в ноябре 2003 г. Армения стала членом ВТО, а экономика Ирана продолжала оставаться централизованной иправляясь на протекционистских принципах. Неудивительно, что в этих условиях в двусторонних торгово-экономических отношениях часто возникали труднопреодолимые трудности.

Тем не менее, стороны принимали соответствующие меры для расширения экономического сотрудничества, прежде всего в энергетической сфере. Следуя в этом направлении, в мае 2004 г. был оформлен контракт на строительство трубопровода, по которому в Армению должен был поступать иранский газ в течение двадцати лет в обмен на поставки в Иран армянской электроэнергии. Заметным успехом в двустороннем сотрудничестве стало также подписанное в декабре 2008 г. соглашение о совместном строительстве нефтепровода для экспорта в Армению нефтепродуктов с нефтеперерабатывающих заводов Ирана. Наконец, в апреле 2009 г. было заключено соглашение об участии министерства энергетики Ирана в стро-

ительства Мегринской ГЭС. Согласно этому соглашению, вырабатываемая на станции электроэнергия в течение 5 лет должна была поставляться в Иран, а после истечения указанного срока она переходила в собственность Армении.

Таким образом, блокадные условия существования экономики Армении и действующий против Ирана санкционный режим объективно способствовали развитию партнерских связей между двумя странами, сотрудничеству в торгово-экономической сфере. Хотя имелись определенные сомнения в том, что эти связи сохранятся в полной мере, в случае прекращения блокады Армении и снятия международных санкций против Ирана. Примером негативного воздействия внешних факторов на двусторонние связи стало сближение Армении с Израилем, наблюдаемое на фоне серьезного осложнения турецко-израильских отношений в 2009 г. Тогда в Ереване дали понять иранской стороне, что конструктивный диалог Армении с Израилем не должен ставиться в зависимость от отношений с Ираном. Соглашаясь с этой позицией, политолог Т. Мартиросян указывает, что взаимоотношения Армении с Израилем могли сыграть гораздо более важную роль в обеспечении безопасности страны, чем ее отношения с осью Иран-Сирия [12]. Между тем, в Тегеране крайне негативно отнеслись к армяно-израильским контактам, считая, что изменения во внешнеполитической стратегии Армении неминуемо приведут к разрушению той «постоянной альтернативы», которая была представлена этой стране Ираном с момента обретения независимости [8, р. 8].

Не менее сложный и противоречивый характер носили отношения Ирана с Азербайджаном. Конструктивному взаимодействию двух стран мешало ирано-турецкое соперничество на Южном Кавказе, а также расхождения в вопросах, касающихся формирования устойчивого баланса сил в Каспийском бассейне. Но самой главной проблемой в ирано-азербайджанских отношениях являлось положение этнических азербайджанцев в Иранском (Южном) Азербайджане. В результате две страны с преимущественным шиитским населением смотрели друг на друга с нескрываемым недоверием и подозрительностью, отмечает историк Г. Цикалишвили [15].

На фоне религиозного и антизападного характера идеологии Исламской революции в Иране Азербайджан все больше позиционировал себя, как светское государство, стремившееся к сближению с Евросоюзом и США. Одновременно власти этой страны принимали меры для развития дружеских связей с Израилем. В июне 2009 г. президент Израиля Ш. Перес совершил знаковый визит в Баку, в ходе которого была выражена поддержка руководству Азербайджана в борьбе за территориальную целостность страны. В ходе визита израильского лидера были подписаны двусторонние

соглашения о расширения торгово-экономических связей, в частности, увеличения объемов поставок азербайджанской нефти в Израиль, сотрудничества в сфере культуры и образования. Со стороны властей Азербайджана был проявлен живой интерес к налаживанию сотрудничества с Израилем в военно-технической сфере, в частности, приобретении израильских беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), систем противоракетной обороны (ПРО) и другой современной военной техники. Наконец, в ходе переговоров также обсуждались вопросы расширения контактов с еврейской диаспорой в США, чтобы заручиться с ее стороны поддержкой принципа территориальной целостности Азербайджана. Оценивая итоги официального визита Ш. Переса в Баку, исследователи А. Омид и М. Хайри пришли к обоснованному выводу, что именно в тот период стали закладываться основы партнерских отношений между Азербайджаном и Израилем [13, с. 147]. В ответ на азербайджано-израильское сближение прошли антиизраильские выступления среди населения Иранского Азербайджана. Одновременно в Тегеране были организованы многотысячные митинги, на которых звучали обвинения в адрес властей Азербайджана, якобы они «поддерживают сионистов». Реакция официального Баку на эти обвинения была жесткой: в частности, И. Алиев заявил, что конфликтное противостояние между Ираном и Израилем не может считаться проблемой Азербайджана [8, р. 145].

Между тем, угроза разрастания сепаратистских настроений в Иранском Азербайджане подталкивало центральные власти к принятию неотложных мер для сохранения территориальной целостности страны. «Официальные лица и аналитики в Тегеране были чрезвычайно чувствительными к этому вопросу, и особенно к любым стремлениям подстегивать иранских азербайджанцев к сепаратизму», отмечает востоковед-иранист А. Ватанка, [10]. Следует отметить, что большую роль в распространении сепаратистских идей в северо-западных провинциях Ирана играли также азербайджанские СМИ: так, в периодических изданиях публиковались материалы об ущемлении культурно-национальных прав азербайджанского населения со стороны иранских властей.

В целом, культурные аспекты интеграции этнических азербайджанцев в систему идей, продвигаемых религиозными лидерами Ирана, носили сложный и противоречивый характер. С одной стороны, они считали себя частью тюркской культурной общности, с другой – среди азербайджанского этнического меньшинства большой популярностью пользовалась личность аятоллы Али Хаменеи. Чувство религиозного консерватизма в одинаковой степени было распространено как среди этнических азербайджанцев, так и политической, экономической элиты Исламской Республики. Тем не менее, азербайджанское этни-

ческое меньшинство выступало с требованием сохранения национальных прав, введения в местах компактного проживания школьного обучения на родном языке. Эти, требования, отмечает историк Б. Шаффер, поддерживались властями Азербайджана, принявшими на себя обязательства по поддержке своих этнических собратьев, проживающих за пределами республики, прежде всего в Иране [7, р. 166].

В ответ на угрозу сепаратизма в северо-западных провинциях Ирана, исходящую из Азербайджана, в Тегеране решили воспользоваться этнической уязвимостью республики в талышском вопросе, чтобы поставить под сомнением легитимность ее руководства. В результате из Баку стали раздаваться обвинения, что иранские власти поощряют беспорядки среди талышского населения на юге Азербайджана, и, кроме того, причастны к свержению Эльчибея в 1993 г. [11, р. 21]. Одновременно возросло противостояние между Баку и Тегераном по другим вопросам. В частности, в руководстве Азербайджана считали, что власти Ирана оказывают давление на азербайджанских священнослужителей; в свою очередь, иранские духовные лидеры критиковали азербайджанские власти из-за введения запрета на ношение хиджаба в стране. В Баку крайне негативно воспринимали эту критику, считая ее вмешательством во внутренние дела Азербайджана. Там давали ясно понять, что все предпринимаемые извне попытки исламизировать страну обречены на провал [8, р. 146].

Однако существующие между Ираном и Азербайджаном идеологические и этнические проблемы не помешали им наладить торгово-экономические связи, прежде всего, в энергетической сфере. Правда, использовать все возможности в этом направлении не удалось из-за грубого вмешательства США. В частности, в Вашингтоне требовали, чтобы Азербайджан немедленно свернул партнерские связи с Ираном, находящимся под международными санctionами. Тем не менее, некоторый прогресс в экономическом сотрудничестве между двумя странами все же имелся: так, в 2011 г. азербайджанской нефтяной компанией (SOGAR) и иранской национальной компанией (NIGEC) была разработана дорожная карта, предусматривающая расширение двусторонних связей в энергетической сфере. Впоследствии на ее основе был заключен 5-летний контракт по поставкам в Иран азербайджанского газа по трубопроводу Гази-Магомед-Астара-Бинд-Бианд.

В целом, двусторонние отношения Ирана с Азербайджаном продолжали носить ограниченный характер, в чем немаловажную роль играли направленные против Запада и Израиля внешнеполитические акции Тегерана. Формально эти отношения считались добрососедскими, но в них ощущался недостаток доверия, необходимого

для развития партнерских связей, основанных на историческом опыте взаимодействия народов двух стран.

В этом отношении большим потенциалом обладали отношения Ирана с Грузией. После обретения независимости в 1991 г. в Иране внимательно следили за развитием политических процессов в этой стране, будучи заинтересованными в использовании ее территории в качестве транзитного пути, выходящего к Черному морю и далее – в Европу. Иран находился в числе стран, первыми признавших независимость Грузии, а в 1995 г. в Тбилиси с официальным визитом прибыл президент Исламской Республики Х. Рафсанджани. На встрече с Э. Шеварднадзе обсуждался широкий круг вопросов, вызывающих взаимный интерес. Со своей стороны иранский лидер отмечал важность дипломатических контактов, чтобы придать больший динамизм углублению отношений между двумя странами [12, с. 7]. Однако этому процессу мешало расхождение сторон в вопросах, касающихся роли НАТО на Южном Кавказе. Грузия, придерживаясь курса на интеграцию в евроатлантические структуры, положительно относилась к перспективе военно-политического присутствия НАТО в регионе. Напротив, в Иране видели в Североатлантическом альянсе угрозу миру и безопасности на Южном Кавказе. Иранское руководство было уверено, что активность НАТО в направлении Южного Кавказа определяется исключительно geopolитическими амбициями, а не желанием сохранить мир и стабильность в этом регионе. Кроме того, считалось, что расширение НАТО на восток создает опасность исламской культуре в Иране и других мусульманских странах. Иранцы соответствующим образом оценивали методичное продвижение США и их западных партнеров к достижению главной цели – распространению западных ценностей в исламском мире.

Несмотря на имеющиеся расхождения в региональной стратегии двух стран, власти Ирана продолжали проявлять высокий интерес к налаживанию конструктивных отношений с действующей властью Грузии. Как утверждали некоторые грузинские эксперты, иранская сторона рассчитывали использовать М. Саакашвили в качестве посредника в диалоге с американцами, но от этой идеи пришлось отказаться ввиду чрезмерной лояльности грузинского лидера к США [12, с. 7]. Тем не менее, властям Грузии давалось понять важность поддержания близких отношений с Ираном. В период энергетического кризиса в Грузии зимой 2006 г., вызвавшего безудержный рост цен на энергоресурсы, продукты, товары и услуги, именно Иран пришел на помощь республике, обеспечив ее поставками природного газа. Но затем власти Грузии стали отходить от активных контактов с Ираном. Причиной тому было возросшее давление из-за океана: в частности, в Вашингтоне

предупредили о нежелательных последствиях сотрудничества Грузии с энергетическими компаниями Ирана, находящимися в санкционных списках США. Другим примером американского давления стал произошедший в 2007 г. в Тбилиси инцидент: тогда по требованию спецслужб США в грузинской столице задержали, а затем передали американской стороне гражданина Ирана А. Х. Ардебиля, обвиняемого в приобретении боевых компонентов для иранских ВВС. По словам сотрудника иранского посольства А.М. Фари, предпринимались попытки договориться с местными властями, чтобы экстрадиция А.Х. Ардебиля не состоялась, но они закончились неудачей [14].

После августовской войны 2008 г. в Грузии руководство Ирана воздержалось от официального признания независимости Абхазии и Южной Осетии, мотивируя это тем, что аналогичная позиция была занята в вопросе официального признания Косово. Этот шаг, воспринятый в Тбилиси с большим воодушевлением, способствовал активизации двусторонних связей Грузии с Ираном. Этот процесс сопровождался качественно изменившимися условиями в международной обстановке на Южном Кавказе. Прежде всего, они выражались в достижении согласованной позиции между США и Россией по ядерной программе Ирана. В Москве всегда поддерживали право Ирана развивать свою атомную энергетику, но там оказались в сложном положении из-за обвинений МАГАТЭ властей Ирана, якобы они бойкотируют сотрудничество по ядерной программе. В результате Россия вынуждена была одобрить резолюцию Совета Безопасности ООН от 9 июня 2010 г. о введении новых санкций против Ирана.

В Грузии были озабочены ужесточением санкций против Ирана, впрочем, как и тем, что иранская внешняя политика все более приобретает антизападный характер. После смены дружественной Грузии администрации США во главе с Дж. Бушем-младшим, в Тбилиси стали прилагать усилия для налаживания взаимовыгодных отношений с Ираном. В результате этих усилий расширились торгово-экономические связи двух стран, в том числе, в банковской сфере. После подписания 3 ноября 2010 г. соглашения о безвизовом режиме возросли объемы двусторонней торговли, укрепились связи в сфере туризма. В частности, если в 2010 г. Грузию посетили 21 тыс. иранцев, в 2012 г. этот показатель достиг 90 тыс. человек [16]. Но затем процесс сближения двух стран стал ослабевать. В этом важную роль сыграли базирующиеся лоббистские группы в Вашингтоне, выдвигающие обвинения, что Грузия демонстрирует недостаточную лояльность в отношении США. Там пытались представить ситуацию таким образом, как будто в Тбилиси декларировали дружбу с США, а на деле развивали бизнес-связи с враждебной американцам Ислам-

ской республикой. Но постепенно эта истерия улеглась – особенно на фоне того, что Грузия согласилась участвовать в Международных силах содействия безопасности в Афганистане и, кроме того, присоединилась к обвинениям коллективного Запада, якобы Иран поддерживает международный терроризм.

Таким образом, региональная политика Ирана на Южном Кавказе носила сложный и противоречивый характер. Ее антizападная направленность, а также независимый от России характер затруднял реализацию стратегических целей и задач Ирана в регионе. Тем не менее, географическая близость, исторические и культурные традиции иранских и кавказских народов создавали благоприятную основу для налаживания двусторонних отношений Исламской Республики с государствами Южного Кавказа. Беспокоясь из-за нестабильной ситуации в Иранском Азербайджане, власти Ирана принимали меры для недопущения роста влияния Азербайджана в этом регионе. В свою очередь, в Баку критиковали Иран из-за сотрудничества с Арменией, обвиняли его в поддержке армянской стороны в На-

горно-Карабахском конфликте. Неудивительно, что в этих неблагоприятных условиях недоверие и подозрительность стали неизменными спутниками ирано-азербайджанских контактов, мешая налаживанию партнерских связей между двумя странами. Не менее сложный характер носили ирано-грузинские отношения: надежды на конструктивный диалог между Тегераном и Тбилиси не оправдались из-за ориентации Грузии на Запад, стремления интегрироваться в евроатлантические структуры. Тем не менее, несмотря на имеющиеся трудности в реализации своих внешнеполитических акций на Южном Кавказе, Ирану удалось наладить торгово-экономические связи с Азербайджаном, Арменией и Грузией, прежде всего, в энергетической сфере. Но в целом, усилия Ирана по повышению своего положения над политическим столом Южного Кавказа не дали положительных результатов. Для реализации этой цели необходимо было строго придерживаться прагматичной политики, свободной от идеологических наслоений, что подтвердилось в ходе дальнейшего развития событий на Южном Кавказе.

Литература

- Calabrese J. Revolutionary Horizons: Regional foreign Policy in Post-Khomeini Iran. London: Palgrave Macmillan UK, 2016. 221 p.
- Hovakimian A. What explains alignment? Armenian-Iranian alignment in the context of Nagorno-Karabakh conflict. Tartu: University of Tartu; Johan Skytte of Political Studies, 2017. 73 p.
- Hovhannisyan N. The foreign policy of the Republic of Armenia in the Transcaucasian-Middle Eastern Geopolitical Region. Yerevan: National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; Institute of Oriental Studies, 1998. 108 p.
- Martirosian T. Recognition of the Armenian genocide as part of South Caucasian and Mid-Eastern politics //Central Asia and the Caucasus. 2004. №. 2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/recognition-of-the-armenian-genocide-as-part-of-south-caucasian-and-mid-eastern-politics> (Accessed: 4.09.2002).
- Mirsoyan A. Armenia, the Regional Powers and the West. New York: Palgrave, 2010. 239 p.
- Sanikidze G. Turkey, Iran and South Caucasus: Challenges for Regional Policy after the 2008 August War // Electronic Journal of Political Science Studies. 2001. No.2. Pp. 78 – 89.
- Shaffer B. Borders and Brethren: Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity. Cambridge: MIT Press. 268 p.
- Terme S. Iranian foreign Policy towards the South Caucasus: Between revolutionary Ideals and Realpolitik / Reassessing Security in the South Caucasus. Regional Conflicts and Transformation /ed. A. Jafalian. Burlington: VT Ashgate. Pp.137–154.
- Therme C. Irano-Armenian Alliance // Centre Europen de Recherches Internationales &. 2008. Pp. 1–4.
- Vatanka A. Iran, Turkey, and the Future of the South Caucasus / MEI@75. 2022. 4 May. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-turkey-and-future-south-caucasus> (Дата обращения: 3.09.2002).
- Vira V., Fitzgerald E. The United States and Iran: Competition involving Turkey and the South Caucasus // Center for strategic @ international Studies (GSIS). 2011. August 4. Pp. 1–28.
- ბალათურია ქ. ირან-საქართველოს ურთიერთობები და ახლო გამოწვევები ბირთვული შეთანხმების შემდეგ. თბილისი: კულტურული ურთიერთობათა ცენტრი «კავკასიური სახლი», 2016. 15 გვ. (Багатурия У. Ирано-грузинские отношения и новые вызовы после ядерного соглашения. Тбилиси: Центр культурных связей «Кавказский дом», 2016. 15 с.).
- ზვადური ი. ირანთან უკიზო რეჟიმის გაუქმება: შიდა და გარე იმპულსები // ტაბულა. 2013. 8 აგვისტო (Звиадури И. Упразднение визового режима с Ираном: внутренние и внешние импульсы // Табула. 2013. 8 августа). URL: <https://tabula.ge/ge/news/555097-irantan-uvizo-rezhimiis-gaukmeba-shida-gare> (Accessed: 5.09.2002).
- წილაური მ. ამერიკის და ირანის ფარული ომი // ლიბერალი. 2010. 13 იანვარი (Циклаури М. Тайная война между Америкой и Ираном // Либерал. 2010. 13 января). URL: <http://liberali.ge/articles/view/234/amerikis-da-iranis-faruli-omi> (Дата обращения: 2.09.2002).
- წიქარიშვილი გ. ირანის ალყაში მოქვევის შიში – დაბატულობა თეორანსა და ბაქოს შორის // ტაბულა. 2021. 18 ოქტომბერი (Цикаришивили Г. Страх оказаться в окружении Ирана – напряженность между Тегераном и Баку // Табула. 2021. 18 октября). URL: <https://tabula.ge/en/news/674714-iranis-alqashi-moktsevis-shishi-dadzabuloba> (Дата обращения: 3.09.2002).
- ناتسبات. پدریهار تاعلاطم // ایرانیا یلم تینما رب لیکارس و ناجی ابردز یرومچ طباور ریثأت یفطضم یزیخ یلعل یدیم 1395 , 158 . (Омид А., Хайри М. Влияние отношений между Азербайджаном и Израилем на национальную безопасность Ирана // Стратегические исследования. 2015. № 2. С. 137–158.). URL: <https://www.sid.ir/fa/journal/ViewPaper.aspx?id=478074> (Дата обращения: 4.09.2002).

References

1. Calabrese J. Revolutionary Horizons: Regional foreign Policy in Post-Khomeini Iran. London: Palgrave Macmillan UK, 2016. 221 p.
2. Hovakimian A. What explains alignment? Armenian-Iranian alignment in the context of Nagorno-Karabakh conflict. Tartu: University of Tartu; Johan Skytte of Political Studies, 2017. 73 p.
3. Hovhannisyan N. The foreign policy of the Republic of Armenia in the Transcaucasian-Middle Eastern Geopolitical Region. Yerevan: National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; Institute of Oriental Studies, 1998. 108 p.
4. Martirosian T. Recognition of the Armenian genocide as part of South Caucasian and Mid-Eastern politics //Central Asia and the Caucasus. – 2004. – №. 2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/recognition-of-the-armenian-genocide-as-part-of-south-caucasian-and-mid-eastern-politics> (Accessed: 4.09.2002).
5. Mirsoyan A. Armenia, the Regional Powers and the West. New York: Palgrave, 2010. 239 p.
6. Sanikidze G. Turkey, Iran and South Caucasus: Challenges for Regional Policy after the 2008 August War // Electronic Journal of Political Science Studies. 2001. No.2. Pp. 78–89.
7. Shaffer B. Borders and Brethren: Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity. Cambridge: MIT Press. 268 p.
8. Terme S. Iranian foreign Policy towards the South Caucasus: Between revolutionary Ideals and Realpolitik / Reassessing Security in the South Caucasus. Regional Conflicts and Transformation /ed. A. Jafalian. Burlington: VT Ashgate. Pp.137–154.
9. Therme C. Irano-Armenian Alliance // Centre Europen de Recherches Internationales &. 2008. Pp. 1–4.
10. Vatanka A. Iran, Turkey, and the Future of the South Caucasus // MEI@75. 2022. 4 May. URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-turkey-and-future-south-caucasus> (Accessed: 3.09.2002).
11. Vira V., Fitzgerald E. The United States and Iran: Competition involving Turkey and the South Caucasus // Center for strategic @ international Studies (GSIS). 2011. August 4. Pp. 1 – 28.
12. Baghaturia E. Iran-Georgia relations and new challenges after the nuclear agreement. Tbilisi: Center for Cultural Relations «Caucasian House. (In Georgian).
13. Zviaduri I. Cancellation of the visa-free regime with Iran: internal and external impulses // Tabula. 2013. August 8. URL: <https://tabula.ge/ge/news/555097-irantan-uvizo-rezhimis-gaukmeba-shida-gare> (Accessed: 5.09.2002).
14. Tsiklauri M. The secret war between America and Iran // Liberal. 2010. January 13. URL: <http://liberali.ge/articles/view/234/amerikis-da-iranis-faruli-omi> (Accessed: 2.09.2002). (In Georgian).
15. Tsikarishvili G. Fear of Iran being encircled – tension between Tehran and Baku // Tabula. 2021. October 18. URL: <https://tabula.ge/en/news/674714-iranis-alqashi-moktsevis-shishi-dadzabuloba> (Accessed: 3.09.2002). (In Georgian).
16. Omid A., Khairy M. Impact of relations between Azerbaijan and Israel on the national security of Iran // Strategic research. 2015. No. 2. Pp. 137–158. URL: <https://www.sid.ir/fa/journal/ViewPaper.aspx?id=478074> (Accessed: 4.09.2002). (In Persian).

Сведения об авторе

Дудайти Альберт Константинович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова / adudaiti@mail.ru
Адрес: д. 46, ул. Ватутина, 362025, Владикавказ, Российская Федерация.

Information about the author

Albert K. Dudaity – Doctor of History, Head, Chair of World History, North Ossetian State University named after K. Khetagurov / adudaiti@mail.ru
The address: 46, Vatutina st., 362025, Vladikavkaz, Russian Federation.